

тая, что Лессинг заложил основы материалистической эстетики в Германии; но это положение еще недостаточно развито в книге. Впервые в истории лессинговедения Фридлиндер касается также зародышей проблематики литературы XIX века в теории Лессинга и, пожалуй, раскрывает это тоже недостаточно.

В последней главе своего очерка Фридлиндер разоблачает реакционные фальсификации идейного наследия Лессинга, каких немало было и в прошлом веке, и в XX столетии. В этой же главе, касаясь статей и выступлений руководящих деятелей Германской Демократической Республики и прогрессивных ученых современной Германии, Фридлиндер говорит о том, что благородной задаче — «очистить облик Лессинга от искажений буржуазной науки», показать «живые стороны теоретического и художественного наследия писателя» — посвящены статьи А. Зегерс, литературоведов П. Рилла, Г. Майера, Г. Камнитцера и других. К сожалению, Фридлиндер недостаточно уделил внимания исследованиям немецких литературоведов.

Таковы наши «претензии» к автору очерка, и мы хотели бы, чтобы в следующем издании книги Фридлиндера эти темы были развиты гораздо шире.

И. ВЕРЦМАН

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*

Труд известного чехословацкого ученого П. Реймана «Главные течения немецкой литературы (1750—1848)» является ценным вкладом в изучение истории немецкой литературы. В сущности, это первое специальное, более или менее систематическое исследование классической немецкой литературы с марксистских позиций.

Книга состоит из семи крупных разделов, каждый из которых посвящен особому этапу в развитии немецкой литературы от Лессинга до поэзии революции 1848 года. Предлагаемая автором периодизация вполне убедительна, потому что она исторична: литературный процесс обусловлен ходом освободительной борьбы немецкого народа, а не саморазвитием отвлеченных идей. П. Рейман следует здесь за работами основоположников марксизма «Положение в Германии», «Революция и контрреволюция в Германии», намечающими основы подобной периодизации.

В свете конкретных национально-исторических задач рассматривает он главные литературные течения: просветительский реализм, «Бурю и натиск», классицизм и романтизм, реализм и революционно-демократическую литературу 40-х годов. Он выясняет предпосылки их возникновения и смены, давая одновременно существенные характеристики основных писателей и произведений. Хорошо аргументированное изложение подводит читателя к одному из самых важных выводов о том, что «...сила немецкой литературы заключалась в ее неразрывной связи с жизнью народа... в том, что она сыграла выдающуюся роль в становлении немецкой нации и указала ей путь борьбы за счастливое будущее» (стр. 823—824).

С начала и до конца, в каждой главе книги ведется активная борьба с реакционной и либеральной буржуазной критикой, искажившей ряд выдающихся явлений немецкой литературы. П. Рейман уделяет, например, много внимания разоблачению

* Paul Reimann, Hauptströmungen der deutschen Literatur, 1750—1848, Beiträge zu ihrer Geschichte und Kritik, Dietz-Verlag, Berlin, 1956, 856 S.

легенды Р. Гайма о том, что последний период деятельности Гердера (1790—1803) был периодом упадка. В ряде превосходных глав он, напротив, показывает великого гуманиста как одного из наиболее радикальных демократов и патриотов в национальном вопросе, в его отношении к Великой французской революции. В книге Реймана поздний Гердер предстает как один из глубоких мыслителей в борьбе против идеалистической философии, морали и эстетики Канта. Отвергая априоризм и агностицизм Канта, свободолюбивый писатель ополчился и на его учение о «радикальном зле» в человеке,— теорию, оправдывавшую угнетение личности в феодально-полицейском государстве. С той же страстью он выступил в «Каллигоне» (1800) и против формализма кантианской эстетики, отстаивая принцип общественно-полезного, гражданского искусства.

Анализом социально острых романов Клигера П. Рейман доказывает несостоятельность утверждений Эриха Шмидта о писателе как «бессистемном и отсталом мыслителе»; он опровергает вымыслы буржуазной критики об оригинальном писателе-плебее Д. Граббе и в новом свете рисует его тяжелую жизнь. Значительное место уделено идейной борьбе вокруг наследства Лессинга, Гете, Гейне и других крупных представителей немецкой литературы.

Выступая против буржуазной критики, автор постоянно привлекает основополагающие суждения классиков марксизма о немецкой литературе. Опорой ему служат также критические статьи Гейне, работы Меринга, современных немецких литературоведов. Широко использованы произведения русской революционно-демократической мысли и Горького, учтен опыт советской науки.

Наиболее интересными и самостоятельными следует признать главы, посвященные немецкому Просвещению. П. Рейман разрушает ложные идиллические представления о немецком Просвещении XVIII века, созданные буржуазной критикой.

Главная ценность книги нигде, пожалуй, так не проявляется, как в стремлении автора реабилитировать ряд боевых фигур немецкой литературы, умышленно или невольно забытых и ославленных в прошлом. В этом отношении исключительно ценными являются главы о смелом журналисте Векрине, об отзвуках Великой французской революции в немецкой идеологии, о деятельности радикального «Брауншвейгского журнала» и его лучшего публициста Я. Мовийона. Большое внимание уделено революции в Майнце, взглядам и литературно-политической деятельности немецкого якобинца-просветителя Георга Форстера. Новой является также глава о романах Книгге, близкого в оценке французской революции к Форстеру. Достойное место занял, наконец, и замечательный немецкий революционер-демократ И. Г. Зейме.

Это же стремление взглянуть по-новому на литературный процесс характеризует и освещение литературы первой половины XIX века, в которой одно из центральных мест отведено влиянию Маркса и Энгельса на творчество Гейне, на формирование политической поэзии революции 1848 года, крупнейшие представители которой рассматриваются также в специальных главах.

Достойны пристального внимания соображения автора о причинах недостаточно широкого развития революционно-демократической литературы в Германии 40-х годов, по сравнению, например, с Россией. Обычно это связывалось со слабостью революционных сил в немецком народе. П. Рейман объясняет это тем, что Германия уже в 40-е годы становится родиной пролетарской идеологии — марксизма, и «лучшие представители революционной демократии, и особенно Гейне, вступают в более или менее тесные отношения с основателями научного коммунизма» (стр. 734).

Наряду с введением в обиход новых имен и фактов совершенно по-новому осмысливается творчество известных немецких писателей. Это в первую очередь касается представителей «Бури и натиска» Ленца, Бюргера, Фосса. Важное значение для понимания трагедии великих «веймарцев», той глубокой неудовлетворенности немецкой действительностью, которая скрывалась подчас за их вынужденным внешним примирением, имеют главы, посвященные творчеству зрелых Гёте и Гердера, и особенно такие, как «Веймар», «Путь к Спинозе», «К. Л. фон Кнебель», «Гердер и утопизм». Из них становится ясным, какие смелые философские и социальные идеи бродили в кружке Гёте — Гердера — Кнебеля — Эйнзиделя и как они своеобразно преломлялись в их творчестве. Тем самым Рейман способствует окончательному разоблачению давно пошатнувшегося мифа о «золотых днях» Веймара, о пресловутой олимпийской невозмутимости его выдающихся умов.

Разбивая догмы буржуазного литературоведения, книга Реймана убеждает также и в том, как беспочвенны убогие и схематические представления иных критиков — вульгарных социологов, которые, напротив, видели в немецкой литературе только черты отвлеченности, мещанской трусости и пр. Не замалчивая слабостей и противоречий немецкой литературы, Рейман особенно выделяет ее демократические и революционные традиции, ее неистребимый гуманизм и материалистические тенденции.

Истинный историзм определяет и глубокую актуальность этой работы, чуждой модернизации. Гражданский пафос Шиллера, благородные мечтания Гердера, преисполненного горячей ненависти к завоевательным войнам и уважением к другим народам, любовь к земной жизни у Гёте и многое другое предстают как результат особых условий борьбы против косности, раздробленности полуфеодальной Германии, как идеи, исходящие из коренных потребностей немецкого народа. Именно поэтому они живейшим образом перекликаются с современностью, ощущаются как великий завет писателей-классиков грядущим поколениям.

В этой связи хотелось бы особо указать на два явления, отмеченных автором в его книге: на борьбу выдающихся писателей за реализм и идеи славяно-немецкой дружбы в немецкой литературе. Обе эти важные проблемы органически связываются в главе «Гёте и Пушкин», в которой Рейман показывает, что внимание Гёте и к русской литературе обусловлено ее могучим реализмом. Используя интересные документы, например статьи и дневники Фарнгагена фон Энзе, автор наглядно убеждает в том, что наследство Пушкина в 30-е годы в Германии было важным средством борьбы передовых сил за Гёте, против феодально-абсолютистской реакции.

Укажем некоторые недочеты работы.

Хотя автор и ссылается на известное суждение Горького о двух видах романтизма, это принципиальное положение недостаточно использовано, так как к прогрессивному реализму П. Рейман относит только «Атту Троль» и «Германию» Гейне. Ясно чувствуя идейное отличие Гельдерлина и Шамиссо, Гауфа, В. Мюллера и раннего Гейне от реакционного романтизма, он все же не связывает их с прогрессивной линией этого течения.

Исторические предпосылки развития такого радикального движения в немецкой литературе, как «Буря и натиск», определены недостаточно. Автор справедливо объясняет его, исходя из немецких условий — роста оппозиционных настроений мелкой буржуазии, крестьянства в 70-е годы XVIII века в связи с общим развитием

капитализма. Однако при этом он совершенно не учитывает предреволюционного подъема в Европе, влияния свободолобивых идей Американской войны за независимость (1775—1783).

Если идейная борьба в литературе первой половины XIX века представлена в книге полно и конкретно, то борьба Гёте и Шиллера против умеренного Просвещения Мендельсона и Николаи, против мещанской литературы Иффланда и Коцебу скорей декларирована, чем раскрыта (стр. 400), так как автор не уделил внимания характеристике этих литературных направлений. Поэтому классицизм Гёте и Шиллера, как и вообще литературное движение 90-х годов, предстают в несколько обедненном виде.

В книге отсутствует ясность по такому вопросу, как понимание Гёте и Шиллером исторического значения французской буржуазной революции. С одной стороны, на стр. 391 утверждается, что оба поэта «были не в состоянии понять историческое значение революционного переворота», с другой, на стр. 397 читаем: «Гёте хорошо понимал, что французская революция имеет значение решительного переворота», и далее на стр. 398: «Гёте... порой указывал на историческое значение революции». Нам кажется, что следует видеть различие между двумя поэтами в этом отношении. Несомненно, что таких прозорливых высказываний, как известные слова Гёте накануне битвы при Вальми, мы не встретим у Шиллера, и в данном случае историческое чутье Гёте оказалось выше, чем у его друга. Поэтому можно, безусловно, говорить о понимании Гёте великого значения революции, хотя он и не принял ее методов.

Отмеченные частные недостатки не снижают, однако, большой ценности книги. Главное в ней — это большая новизна и оригинальность трактовки материала, ее боевая направленность. Издание этого интересного труда на русском языке принесло бы большую пользу как специалистам, так и более широким читательским кругам; это способствовало бы популяризации классической немецкой литературы и ее более глубокому пониманию.

Г. СЛОБОДКИН

ФРАНЦУЗСКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Наше традиционное представление о французской сатирической поэзии XVI века ограничивается обычно именами Клемана Маро — в начале века, и Матюрена Ренье — в его конце. Споры нет, эти два поэта, сколь различны бы они ни были, являются самыми значительными поэтами-сатириками XVI века, причем сатириками по преимуществу.

Однако французская сатира XVI века знала и другие имена. Сатирические элементы были сильны в творчестве многих крупных поэтов, прежде всего поэтов «Плеяды». Достаточно назвать «Мимы» Антуана де Баифа, произведения Ронсара, Дю Белле и других.

* Henri Meulani, *Épîtres du coq à l'âne. Contribution à l'histoire de la satire au XVIe siècle*. Genève, Droz, 1956, XXVIII, 132 p.